

ЭТОТ БАЛЕТ, казалось бы, переносит нас в далекое прошлое — в легендарный мир древней Греции. Но чувства, которые волнуют героев спектакля «Медея» (музыка Самюэля Барбера), близки современному зрителю. И в этом немалая заслуга постановщика — балетмейстера театра оперы и балета «Эстония» Май Мурдмаа.

...Луч света как бы вырывает из мрака античный портик. Из темноты возникает фигура женщины — и ее танец, как крик страдания. Так начинается Май Мурдмаа пластическое повествование о трагической судьбе царицы Медеи, о ее мести изменившему мужу. Это не первая работа талантливого хореографа: еще учась в Государственном институте театрального искусства имени Луначарского, она осуществила на сцене театра «Эстония» «Балет-симфонию» Э. Тамбергга, а через два года — его «Мальчика и бабочку», а также «Любовь-волшебницу» де Фалья. Дипломной работой Май Мурдмаа в 1965 году было создание своего сценического решения балета С. Прокофьева «Золушка».

Разные композиторы, разные музыкальные стили, наконец, очень разные сюжеты, но тем не менее все они говорят об одном очень важном свойстве Мурдмаа как балетмейстера — о ее любви

В ДОБРЫЙ ПИТЬЕ, МОЛОДЕЖЬ!

ТАЛАНТ РОЖДАЕТСЯ В ПОИСКАХ

к серьезной симфонической музыке, музыке с яркой драматургией, интересным развитием. Отсюда ее стремление добиваться в своих постановках пластического воплощения партитуры.

«Нужно вникать в мысли композитора», — говорит Май Мурдмаа, и чем глубже и сложнее музыка, тем, как она считает, интереснее работать. В поисках такого вот произведения хореограф и встретился с «Медеей» современного американского композитора Самюэля Барбера — сочинения стройных и строгих пропорций, отвечающих форме греческой трагедии. Правда, музыке порой не хватало философской глубины содержания трагедии Еврипида, и Май Мурдмаа стремилась заполнить пробелы в музыкальной драматургии драматургией хореографической. Балет решен как рассказ Медеи о своей судьбе, и этот рассказ о больших человеческих чувствах, о человеческом страдании вызывает в

душе зрителей наших дней живой отклик. Рисунок танца Медеи — острый, экспрессивный: пластический «голос» героини полон страдания, богат разнообразными психологическими нюансами. И в лице исполнительницы заглавной роли Тийу Рандвийр Мурдмаа нашла интересного интерпретатора своих замыслов. Классическая танцовщица академического плана, она здесь предстала перед нами в новом качестве, проявив незаурядный драматический талант.

Медее «вторит» хор — девушки в ниспадающих живописными складками одеждах то рыдают, как бы отшатнувшись в ужасе от Медеи, то окружают ее, разделяя с ней горе. Кордебалет театра «Эстония» очень вырос в работе над этим произведением, и это тем более важно, что ему в постановке Мурдмаа отведена значительная роль: хор здесь — и рассказчик, и комментатор, и своеобразное зеркало, в котором отражается душевное состояние Медеи.

Труднее было Май Мурдмаа с другими персонажами — ведь в музыке Барбера не разработаны образы Ясона, коринфской царицы, ее отца Креонта. И поста-

новщица не смогла преодолеть недостатки партитуры: введенные в спектакль, эти герои так и остались в нем лишь безликими и мало запоминающимися фигурами, несмотря на скульптурную четкость и пластическую выразительность танца Эндрика Керге (Ясон), Вернера Лоо (Креонт). Коринфскую царицу, ради которой Ясон покидает Медею и своих детей, танцевала молодая способная танцовщица Лариса Каур. Однако и у нее не получилось пластически яркого портрета. Но все это частности.

В театре «Эстония» вырос талантливый балетмейстер. И хотя поиски Май Мурдмаа порой бывают спорны, ее одаренность, музыкальная культура, своеобразие пластического мышления говорят о том, что в советский балетный театр пришел ярко одаренный хореограф.

Н. РОСЛАВЛЕВА.

ТАЛЛИН.